

Д. В. БУБРИХ

К вопросу о путях возникновения порядковых числительных

I. ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В МОРДОВСКОЙ РЕЧИ¹

В мордовской речи порядковые числительные образуются от количественных посредством суффикса *ĭe* (це). Примеры: *kolmo* 'три' — *kolmoĭe* 'третий', *niĭe* 'четыре' — *niĭeĭe* 'четвертый', *kemeĭ* 'десять' — *kemeĭĭe* 'десятью'. Только в двух случаях дело обстоит иначе: *veuke* 'один' — *vaŕeĭĭe* 'первый' (при *vaŕeĭ* в том же значении) и *kavto* 'два' — *omboĭe* 'второй' (при *ombo* 'другой'). В этих двух порядковых числительных иной корень, чем в количественных, и суффикс *ĭe* в них явно нового происхождения — он усвоен под влиянием прочих порядковых числительных.

Для объяснения мордовских порядковых числительных надо принять в расчет следующие явления.

1) В мордовской речи есть два разных случая определительной связи надежно неоформленного существительного с другим существительным.

В одном случае определение указывает на тот же реальный предмет, что и определяемое, но характеризует его с другой стороны. Определение в некотором смысле приравнивается определяемому. В этом случае можно говорить о прямой определительной связи. Пример: *ĭeĭ guu* 'волос змея' (так называется тонкий, как волос или нить, водяной червячок). Определение тут указывает на тот же реальный предмет, что и определяемое. Оно в некотором смысле приравнивается определяемому. Речь идет о змее (*guu*), которая есть волос (*ĭeĭ*).

В другом случае определение указывает на другой реальный предмет, чем определяемое, — на реальный предмет, который имеет то или иное

¹ Для упрощения изложения мы будем брать только эрзя-мордовские явления.

отношение к указываемому определяемым реальному предмету. Определение ни в каком смысле не приравнивается определяемому. В этом случае можно говорить о косвенной определительной связи. Пример: *veđ guu* 'воды змея', букв. 'вода-змея' (имеется в виду водяная змея). Определение тут указывает на иной реальный предмет, чем определяемое. Речь ни в коем случае не идет о змее (*guu*), которая есть вода (*veđ*).

2) В мордовской речи чрезвычайно развито смещение определения в позицию определяемого. Оно возникает в том случае, если определяемое по тем или иным причинам — по его понятности без указания или по его понятности из контекста — можно опустить без ущерба для понятности речи. Смещенное в позицию определяемого, определение принимает все особенности определяемого, в частности его склонение, причем обычно идет по так наз. определенному (*der, die, das,*) ряду склонения. Об определенном ряде склонения надо сказать, что он в номинативе единственного числа характеризуется суффиксом *š*, который возник из указательного местоимения *ʃe* → *še* 'тот'.¹

Смещение определения падежно неформленного существительного в позицию определяемого наблюдается, главным образом, при наличии прямой определительной связи. Вместо *ʃer guyeš* 'волос змея-то' можно, если контекст исключает неясности, сказать и *tereš*, и т. д.

При наличии косвенной определительной связи смещение определения падежно неформленного существительного в позицию определяемого наблюдается чрезвычайно редко. Это и понятно, если рассмотреть в качестве примера хотя бы *veđ guyeš* 'воды змея-то' букв. 'вода-змея-то'. Смещение определения в позицию определяемого дало бы *vedeş*, которое было бы понято как 'вода-то', т. е. совсем не так, как следовало бы.

Впрочем случаи смещения определения падежно неформленного существительного в позицию определяемого при наличии косвенной определительной связи все-таки есть. Но они обставлены своеобразно, несколько сложнее, чем при наличии прямой определительной связи. Именно, определяемое не исчезает совсем, а оставляет субстигут в виде указательного местоимения. Это указательное местоимение ныне уже срослось со словом-определением, сохранив старый вид *ʃe*. Пример: вместо *veče veđoš* 'верха село-то', букв. 'верх-село-то', можно, если контекст исключает неясности, сказать *večēš* 'верха то-то', букв. 'верх-то-то' в смысле 'верхнее-то'.

¹ Что местоимение раньше начиналось *ʃ*, ясно хотя бы из мокша-мордовского удвоенного *ʃaʃä* (при простом *ša*).

Если бы в дело не был пущен местоименный субститут определяемого, то смещение определения в позицию определяемого дало бы в данном случае ведеş, которое было бы понято как 'верх-то', т. е. совсем не так, как следовало бы. Но так как местоименный субститут в дело пущен, то для недоразумений не остается места. Одно дело — ведеş 'верха то-то', букв. 'верх-то-то' в смысле 'верхнее-то'. Другое дело — ведеş 'верх-то'.

Пáры типа ведеş 'верха-то-то', букв. 'верх-то-то' в смысле 'верхний-то, верхняя-то, верхнее-то' — ведеş 'верх-то', алёş 'низа-то-то', букв. 'низ-то-то' в смысле 'нижний-то, нижняя-то, нижнее-то' (ср. алёş 'чорт-то') — алоş 'низ-то'¹ представляют собою прочно отработанное явление. Оно связано с обозначением положения.

Интересно, что образования на ёёş или şeş, откуда и zeş (в определенных случаях глухие в мордовской речи заменяются через звонкие), ныне выходит за пределы своей первоначальной сферы. Пример: вместо опоц ломанёş 'гброда-человек-то' говорят, если контекст исключает неясности, опоцеёş, опоцёş 'города-тот-то', в смысле 'горожанин-то', вместо мицецк ломанцецк 'нас-человек-то' — мицецкёş 'нас-тот-то', в смысле 'наш-то' и т. п. Так обстоит дело всегда, когда в позицию определяемого смещается определение-генитив.²

Описанные явления дают все нити объяснения происхождения порядковых числительных с суффиксом ёе.

Не подлежит сомнению, что в мордовской речи некогда было следующее. Чтобы сообщить, скажем, о трех днях, говорили kolmo ёё 'тройка дни', kolmo ёёё 'тройка дни-то'. Тут была прямая определительная связь. В то же время, чтобы сообщить, скажем, о третьем дне, говорили kolmo ёё 'тройки день', букв. 'тройка-день', т. е. 'день из тройки дней', kolmo ёёş 'тройки день-то', букв. 'тройка-день-то', т. е. 'день-то из тройки дней'. Тут была косвенная определительная связь. Обычно недоразумений не возникало, так как число (множественное или единственное) определяемого достаточно ориентировало в характере определительной связи. Но в некоторых случаях недоразумения возникать могли. Надо, между прочим, принять в расчет, что число (множественное или единственное) в мордовской речи выражается не всегда: оно выражается только в номинативе, а в других падежах только в некоторых местоимениях да еще в определенном

¹ алоş, 'низ-то' (от ало) созвучно с алоş 'яйцо-то' (от ал).

² Явление это ограничивается эзя-мордовским языком. В мокша-мордовском языке дело обстоит иначе.

ряде склонения, в образовании которого приняли участие именно такие местоимения.

С ростом потребности в точном счете неизбежны были те или иные сдвиги по отношению к описанному положению вещей. И они совершались.

Началось дело так. Как, например, вместо *veçe veçeş* 'верха село-то', букв. 'верх-село-то', в смысле 'верхнее село-то', можно было, если контекст исключал неясности, сказать *veçeş* 'верха то-то', букв. 'верх-то-то', в смысле 'верхнее-то', точно так же, например, вместо *kolmo şış* 'тройки день-то', букв. 'тройка-день-то', в смысле 'третий день-то', можно было, если контекст исключал неясности, сказать *kolmoşeş* 'тройки тот-то', букв. 'тройка-тот-то', в смысле 'третий-то'. Случаи были совершенно однородные. В обоих случаях было смещение определения в позицию определяемого при наличии косвенной определительной связи. К тому же, в обоих случаях дело касалось обозначения положения предмета. Однородность соответствующих явлений прослеживается и в других языках, ср. хотя бы по-русски 'верхний-нижний' — 'передний-задний' — 'первый' — 'второй' — 'третий' и т. д. — 'последний' как бесспорнооднородные явления несмотря на то, что одни не счетные а другие — счетные (все одинаково отвечают на вопрос 'который?').

Появление образований типа *kolmoşeş* 'тройки тот-то', букв. 'тройка-тот-то', в смысле 'третий-то', означало весьма много. По отношению к этим образованиям решительно никакие недоразумения ни при каких обстоятельствах не были возможны.

Естественно, что они были всемерно использованы. Из них были извлечены образования типа *kolmoşe*, которые пошли в ход как порядковые числительные.

Бесспорно: приведенное объяснение порядковых числительных с суффиксом не отличается простотой — оно построено не столько в морфологическом, сколько в синтаксическом плане, а потому потребовало изложения довольно трудных синтаксических положений. Это отсутствие простоты может породить в читателе, особенно в немордовском читателе, который вряд ли восчувствует однородность таких явлений как *veçeş* и *kolmoşeş*, — не малое сомнение.

Однако есть нечто, что вполне подтверждает правильность этого объяснения. Это — чрезвычайно близкие и притом весьма легко обозримые явления некоторых других языков.

II. ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ НАСИОИ.¹

В языке Насиои порядковые числительные образуются от количественных посредством суффикса *na*. Примеры: (при абстрактном счете) *kepaŋka* 'два' — *kepaŋkana* 'второй', *beŋaŋto* 'три' — *beŋaŋtona* 'третий', *kaŋenaŋto* 'четыре' — *kaŋenaŋtona* 'четвертый'. Впрочем в одном случае дело обстоит иначе. Это (при абстрактном счете) *paŋuŋ* 'один' — *tutuna* 'первый' (ср. *tutuŋ* 'начало', *tutuŋpr* 'начинать').

Если порядковое числительное выступает при наличии определительного (*der*, *die*, *das*) момента, оно получает показатель определительного момента *na* 'один' в комбинации с показателем той или другой классовой категории, — точно так же, как и всякое иное слово. При этом однако *na* как суффикс порядковых числительных отсутствует. Примеры (при счете построек): *kevaŋa* 'два-то' — *kevaŋanaŋa* 'второй-то', *bevaŋi* 'три-то' — *bevaŋinaŋa* 'третий', *kaŋevaŋi* 'четыре-то' — *kaŋevaŋinaŋa* 'четвертый-то'.

Объяснение этих порядковых числительных близко сходно с объяснением мордовских порядковых числительных. Приходится, разумеется, считаться с некоторыми особенностями языка Насиои. Важно иметь в виду, что в качестве показателя определительного момента в языке Насиои используется не указательное местоимение, а слово *na* 'один'. Семантика слова 'один' в этом языке иная, чем в языках Европы: 'один' → 'выделенный, определенный' (в языках Европы мы имеем, наоборот, 'один' → 'какой-то, неопределенный'). Указанный показатель определительного момента всегда комбинируется с показателем той или другой классовой категории.

Для объяснения порядковых числительных в языке Насиои надо принять в расчет следующие явления.

1) В языке Насиои есть два порядка связывания слов.

В одном случае перед нами связь параллелизма, которая уже обнаруживает признаки превращения в ту связь, которую мы, говоря о мордов-

¹ Язык Насиои, относящийся к числу так наз. папуасских, распространен в небольшой части северо-восточной продольной половины о. Бугенвиль в Соломоновом архипелаге, недалеко от Новой Гвинеи, представляя собою один из языков, сохраняющихся внутри острова (по берегам распространены меланезийские языки). Язык этот описан Rausch'ем в «Anthropos», VII. В языке Насиои слова разбиваются по классовым категориям, которых около 60. Это классы мужчины («мужской род»), женщины («женский род»), крупного животного, мелкого животного, дерева вообще, плодового дерева в частности, плода вообще, кокосового ореха в частности, острого предмета, веревкообразного предмета, бревно- или столбообразного предмета, колодообразного предмета, пустого сверху открытого предмета, пустого сверху закрытого предмета, постройки и т. д.

ских явлениях, называли прямой определительной связью.¹ Для этой связи слов характерна, между прочим, безразличность порядка слов. Пример: *карика кареу* или *кареу карика* 'сырое картофель' или 'картофель сырое'.

В другом случае перед нами та связь, которую мы, говоря о мордовских явлениях, называли косвенной определительной связью. Для этой связи слов характерна, между прочим, строгая выдержанность порядка слов: определение строго предшествует определяемому. Пример: *кареу кеу* 'картофеля плантация', т. е. 'картофельная плантация'.

2) В языке Насиои чрезвычайно развито смещение определения в позицию определяемого. Возникает оно в тех же случаях, что и в мордовской речи. Смещенное в позицию определяемого, определение принимает все особенности определяемого, в частности показатель определительного момента па 'один' в комбинации с показателем той или другой классовой категории.

Смещение определения в позицию определяемого наблюдается, главным образом, при наличии связи параллелизма, которая, как указано, уже становится прямой определительной связью, так что охваченные ею слова уже становятся определением и определяемым. Пример: вместо *irinto kasinar* (или *irintonari kasi* или *irintonari kasinari*) — с данным или обратным порядком слов — можно, если контекст исключает неясности, сказать *irintonari* 'острое-то'.

При наличии косвенной определительной связи смещение определения в позицию определяемого наблюдается чрезвычайно редко.

Нельзя однако сказать, чтобы оно при наличии данной связи совсем не наблюдалось. Пример, где оно при наличии данной связи наблюдается: вместо *adei ravapava* 'там-верха дом-то', в смысле 'верхний дом-то' можно, если контекст исключает неясности, сказать *adeipava* 'там-верха-то', в смысле 'верхний-то'. Чего-нибудь такого, что могло бы быть понято не так, как следовало бы, при этом не получается. Важно, что *adeipava* содержит показатель классовой категории, именно классовой категории постройки. Этот показатель классовой категории постройки играет роль субститута слова со значением 'дом'.

Описанные явления дают все нити для объяснения происхождения порядковых числительных с суффиксом *па*.

Не подлежит сомнению, что язык Насиои некогда — вероятно, еще недавно — не знал особых порядковых числительных. Чтобы сообщить, скажем, о трех домах, говорили (если в дело не шел определительный

¹ Об этом см. Д. В. Бубрих, У истоков склонения (в печати).

момент в комбинации с классовой категорией) *beпаишо рава* 'тройка домá' или (если определительный момент в комбинации с классовой категорией, в данном случае с классовой категорией группы предметов, в дело шел) *beваги* (*равапаи* →) *равапи* 'тройка домá-то'. Тут была связь параллелизма, которая, как нам известно, уже становится прямой определительной связью. В то же время, чтобы сообщить, скажем, о третьем доме, говорили (если в дело не шел определительный момент в комбинации с классовой категорией) *beпаишо рава* 'тройки дом', в смысле 'третий дом' или (если определительный момент в комбинации с классовой категорией, в данном случае с классовой категорией постройки, в дело шел) *beваги равапава* 'тройке дом-то', в смысле 'третий дом-то'. Тут была косвенная определительная связь. Иногда возможны были недоразумения. Но чаще (при наличии определительного момента в комбинации с классовой категорией) возможность их возникновения отсутствовала. В вопросе о возможности недоразумений надо, конечно, учитывать, что при связи параллелизма, становящейся прямой определительной связью, порядок слов свободный; следовательно, устранения возможности недоразумений можно достигнуть путем использования целесообразного порядка слов.¹

Возможность недоразумений в свое время — вероятно, не так уже давно — вызвала некоторые сдвиги по отношению к описанному положению вещей.

Началось дело так. Как, например, вместо *адеи равапава* 'там-верха дом-то', в смысле 'верхний дом-то', можно было, если контекст исключал неясности, сказать *адеипава* 'там-верха-то', в смысле 'верхний-то', точно так же, например, вместо *beваги равапава* 'тройки дом-то', в смысле 'третий дом-то', можно было, если контекст исключал неясности, сказать *beвагинава* 'тройки-то', в смысле 'третий-то'. Случаи были совершенно однородные. В обоих случаях было смещение определения в позицию определяемого при наличии косвенной определительной связи. К кому же в обоих случаях дело касалось обозначения положения предмета.

Появление образований типа упомянутого *beвагинава* 'тройки-то', в смысле 'третий-то' означало весьма много. По отношению к этим образованиям решительно никакие недоразумения ни при каких обстоятельствах не были возможны.

¹ У Rausch'a мы находим обычно (например, *ваи beпаишо амеаи* 'таро тройку дай', *ваипи beкири амеаи* 'таро-то тройку дай', *даирика агекепи?* 'твои-дети сколько?', *пирика beпаица* 'мои-дети тройка' в том месте, где затрагивается синтаксис числительных) как раз тот порядок слов, который устраняет возможности недоразумений.

Естественно, что эти образования были всемерно использованы. Из них, с усечением показателя классовой категории, были извлечены образования на *па*, трактуемое уже не как показатель определительного момента, а как суффикс порядкового числительного. Где *па* уже было, оно, естественно, не повторялось.

Экскурс к главе I

При объяснении мордовских порядковых числительных нам пришлось говорить об указательном местоимении *іе* → *şe* как субституте опущенного определяемого. Оно приняло участие в образовании таких слов, как *veçîş* 'верхний-то' или *alîş* 'нижний-то', а далее и в образовании таких слов, как *oşoçîş*, *oşoçş* 'городской-то', 'горожанин-то'.

Образования этого рода важны тем, что дают ключ к пониманию некоторых явлений в прибалтийско-финских языках, которые на определенном отрезке своей истории взаимодействовали с мордовским, а также в лопарских языках.

В финском-суоми языке существуют имена, которые в номинативе единственного числа заканчиваются на *ʔuʔnen*, а в других надежно-числовых образованиях на *ʔuʔse* плюс соответствующий надежно-числовой показатель. В старом финском-суоми языке, а равным образом в некоторых окаменелых финских-суоми образованиях, мы при *ʔuʔse* находим и *ʔuʔtse*, которое должно рассматриваться как более старое явление. Сходная картина в других так наз. прибалтийско-финских языках. Частично сходная картина — и в лопарских языках. Возьмем несколько примеров из финского-суоми языка. Первая группа примеров — производные от существительных прилагательные, которые, смещаясь из позиции определения в позицию определяемого, могут становиться и существительными. Примеры этой группы: *kivi*, генитив *kiven* 'камень' — (*kiveunen* →) *kivnen*, генитив (*kiveutsen* →) *kivisen* 'каменный', (*eulen* →) *eulen* 'вчера' — (*eyleneun* →) *eulnen*, генитив (*eyleutsen* →) *eulisen* 'вчерашний', *karyala*, генитив *karyalan* 'Карелия' — *karyalaunen*, генитив (*karyalaytsen* →) *karyalaysen* 'карельский' и 'карел'. Вторая группа примеров — производные от существительных существительные с уменьшительно-ласкательным значением. Примеры этой группы: *kala*, генитив *kalan* 'рыба' — (*kalaunen* →) *kalanen*, генитив (*kalaytsen* →) *kalasen* 'рыбка', *kouga*, генитив *kougan* 'собака' — (*kougaunen* →) *kouganen*, генитив (*kougauntsen* →) *kougasen* 'собачка'. Исторически примеры второй группы связаны с примерами первой группы. Уменьшительные или ласкательные существительные в данном случае были

некогда существительными-названиями ребенка (применительно к человеку) или детеныша (применительно к животному); распространение их на область неживых предметов было делом сравнительно позднего времени. А существительные-названия ребенка или детеныша в данном случае по происхождению были производными от существительных прилагательными.

Происхождение указанных имен в так наз. прибалтийско-финских языках — загадка, за которую бралось бесчисленное количество исследователей. Загадка однако осталась загадкой.¹

В свое время за эту загадку брался и пишущий эти строки. Был привлечен до сих пор не отмеченный в научной литературе материал, и загадка вплотную подошла к моменту разгадки. Но она все же не была разгадана.²

Не может быть никаких сомнений в том, что прибалтийско-финские явления типа финского-суоми (kiveunen → kivinen, генитив (kiveytseen → kiviseen 'каменный' должны сопоставляться с мордовскими явлениями типа keveц 'камень', 'каменный', при смещении в позицию определяемого keveцтеç, kevenцеç, генитив keveцтеңтең, kevenцеңтең 'камня тот-то', 'каменный-то'. Не может быть никаких сомнений в том, что прибалтийско-финские явления типа финского-суоми (eyleunen → eulinen, генитив (eyleytseen → euliseen 'вчерашний' должны сопоставляться с мордовскими явлениями типа içeц 'вчерашнего дня', 'вчерашний', при смещении в позицию определяемого içeңтеç, içenцеç, генитив içeңтеңтең, içenцеңтең 'вчерашнего дня тот-то', 'вчерашний-то'. Не может быть никаких сомнений в том, что прибалтийско-финские явления типа финского-суоми karyalaunen, генитив (karyalaysen → karyalaysen 'карельский', 'карел' должны сопоставляться с мордовскими явлениями типа ошоц 'г'орода', 'городской' при смещении в позицию определяемого ошоңтеç, ошонцеç, генитив ошоңтеңтең, ошонцеңтең 'г'орода тот-то', 'городской-то', 'горожанин-то'. Как видно, к первой группе приведенных прибалтийско-финских примеров есть несомненно мордовские параллели.

Что касается второй группы приведенных прибалтийско-финских примеров, то мордовских параллелей к ним нет. В данном случае в мордовской речи дело сложилось иначе. Отсутствие мордовских параллелей в данном случае однако не имеет особенно большого значения, так как в данном случае перед нами, как об этом уже сказано, по происхождению те же явления, что и в первом случае.

¹ Обзор попыток объяснения см. у Y. Toivonen'a. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Afrikaten, Гельсингфорс 1927, стр. 38 след.

² См. Д. В. Бубрих. К вопросу об уменьшительной суффиксации в финско-угорских языках, Изв. Акад. Наук СССР, 1928.

С формальной стороны приведенные мордовские параллели не возбуждают никаких сомнений. Финское-суоми (ytse →) 'y'ʃe в точности соответствует мордовскому цѣ, цзе: финское-суоми (yts →) 'y'ʃ — это обычное соответствие мордовскому цѣ, цз,¹ а финское-суоми е в принципе может выступать при мордовском е. Что касается финского-суоми 'y'ʃep, то оно, бесспорно, не является точным соответствием мордовскому ц. Но это потому, что финское-суоми 'y'ʃep является результатом переработки. 'y'ʃ здесь появилось под воздействием 'y'ʃe. С удвоением п дело обстоит несколько сложнее. Это удвоение п следует выводить из существительных с уменьшительным или ласкательным значением: как уменьшительный или ласкательный суффикс, п, в случае если уменьшительность или ласкательность подчеркивались, могло удваиваться (ср. русск. 'кус-кусок-кусочек', где ч из к и т. п.). Возникнув в существительных с уменьшительным или ласкательным значением, удвоение п в силу сходств парадигм этих существительных с парадигмами рассматриваемых здесь производных от существительных прилагательных перебросилось и в эти прилагательные. Надо впрочем сказать, что удвоение п прослеживается отнюдь не по всему прибалтийско-финскому материалу. Встречается и простое п. Оно засвидетельствовано, например, в некоторых диалектах финского-суоми языка. Есть некоторые явления, которые ведут к простому п. Сюда относится например, цд в некоторых диалектах карельского языка. По образу отношений типа раумен (основа раумене-) 'пастух': шенц (основа шене-) 'гриб', вместо отношений типа kivin 'каменный': toyn 'другой' были построены отношения типа kivin: toyn. А затем цд обобщилось.

С семантической стороны приведенные мордовские параллели тоже не возбуждают никаких сомнений. Финские-суоми прилагательные на 'y'ʃep, в генитиве (ytsen →) 'y'ʃep имеют ту же семантику, что и мордовские образования на ц при цѣс, цзецѣ, в генитиве цѣцѣ, цзецѣ.

Очевидно следующее. Мордовские явления освещают прибалтийско-финские. Использование указательного местоимения в качестве субститута определяемого имело место не только в мордовской речи, но и в прибалтийско-финской. Это указательное местоимение — в мордовской речи ѣе → се 'тот', в прибалтийско-финской речи tse → se 'тот'. В мордовской речи перед нами сохранение старой картины (если не считать своеобразного развития явлений по линии порядковых числительных). В прибалтийско-финских же языках перед нами довольно далеко зашедшая ее переработка.

¹ Об этом см. в Приложении I к нашей работе «К вопросу о взаимоотношениях финно-угорских языков» (в печати).

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

LE LANGAGE ET LA MENTALITÉ

III—IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1935 · ЛЕНИНГРАД

Ноябрь 1935 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания академик *И. И. Мещанинов*

Технический редактор *Г. А. Стратановский*. — Ученый корректор *Е. М. Мастыко*

Сдано в набор 9 мая 1935 г. — Подписано к печати 5 ноября 1935 г.

343 стр.

Формат бум. 72×110 см. — $21\frac{1}{2}$ печ. л. — 42 346 тип. зн. — Тираж 3165

Ленгорлит № 29092. — АНИ № 485. — Заказ № 1862

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	5
Ш. Я. Марр . Проблема письма трех славянских языков СССР — белорусского, украинского и русского	7
И. Г. Франк-Каменецкий. К вопросу о развитии древнееврейского глагола	13
Д. С. Лихачев. Черты первобытного примитивизма воровской речи	47
В. В. Струве. К семантике жалования	101
Д. В. Бубрих. К вопросу о путях возникновения порядковых числительных	111
Ф. П. Филин. Методология лингвистических и следований А. А. Погребни	121
С. П. Обнорский. Глагол 'использовать'—'использовывать' в современном русском языке	161
В. И. Чернышев. Происхождение некоторых нарицательных имен от собственных	169
Д. Д. Димитров. Частица <i>мо</i> в болгарском языке	179
Л. В. Матвеева-Исаева. Польская орфография и требования, предъявляемые к правописанию наукой и практикой	185
Р. М. Шумян. Предварительное сообщение об агулском языке	203
К. Д. Дондуа. Феминизирующий гласный в грузинском	245
Д. П. Карбелашвили. К фонетике удинского языка	259
И. Г. Лившиц. Еще об иероглифе дороги	277
И. Л. Снегирев. Об одном выржении «женского рода» в языках зулу и коса	281
Г. Виноградов. Подвеса ученой деятельности П. К. Симони	285

Критика и библиография

Из истории грамматической литературы. Ш. В. Дзидзиури	293
Эдуард Сепир. Язык. Введение в изучение речи. С. Л. Быковская	308
Blüten der ossetischen Volksschichtung etc. В. И. Абаев	316
Gerhard Deeters. Das Kharthwelische Verbum. В. Руденко	322
Language and Languages. An Introduction to Linguistics. By Willem L. Graff. С. Л. Быковская	329
Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen. И. Л. Снегирев	338

Хроника

Доклады и сообщения, заслушанные на заседаниях Кабинетов Института языка и мышления Академии Наук СССР с 1 января по 1 июля 1934 г.	341
---	-----

SOMMAIRE

	Page
Préface	5
N. J. Marr . Problème de l'écriture dans les trois langues slaves de l'URSS: blanche, ukrainienne et russe	7
I. G. Frank-Kamenecki. Sur la question du développement du verbe dans l'ancien hébreu	13
D. S. Lichačiov. Traits de la primitivité primordiale de l'argot des voleurs	47
V. V. Struve. Sur la sémantique du mot «rages»	101
D. V. Bubrich. Sur la question des voies d'origine des numératifs ordinaux	111
F. Filin. Méthodologie des recherches linguistiques de A. A. Potel'nja	121
S. P. Obnorsky. Verbe использовать — использовать (utiliser) dans la langue russe d'aujourd'hui	161
V. I. Černyšov. Dérivation de certains noms communs des noms propres	169
D. Dimitrov. La particule «mo» dans la langue bulgare	179
L. V. Matvejeva-Isajeva. L'orthographe polonaise et les exigences posées par la science et la pratique	185
R. Šaumjan. Une communication préliminaire sur la langue agoule	203
K. Dondua. La voyelle féminisante dans la langue géorgienne	245
D. P. Karbelašvili. Sur la phonétique de la langue oudine	259
I. G. Livschitz. Encore sur l'hiéroglyphe «chemin»	277
I. L. Snegiriïov. À propos d'une expression du «genre féminin» dans les langues Zoulou et Xossa	281
G. Vinogradov. Un demi-siècle de la carrière scientifique de P. K. Simoni	285
Comptes rendus et bibliographie	
Études sur l'histoire de la littérature grammaticale. Par Š. Džidziguri	293
E. Sapir. La langue. Introduction à l'étude du langage. Par S. Bychovskaja	303
Blüten der ossetischen Volksdichtung etc. Par V. Abajev	316
Gerhard Deeters. Das Kharthwelische Verbum. Par B. Rudenko	322
Language and Languages. An Introduction to Linguistics. By Willem L. Graff. Par S. Bychovskaja	329
Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. Par I. Snegiriïov	338
Chronique	
Rapports et communiqués faits à l'Institut du langage et de mentalité du 1 janvier au 1 juillet 1934	341